

Любимов
Ю.

29/III-87

РАСТАЯВШИЕ ИЛЛЮЗИИ И

Так называемый «интернационал сопротивления» появился несколько лет назад. Его образовали представители различных эмигрантских кругов из ряда социалистических стран совместно с «контрас» из Анголы, Кампучии, Афганистана и Никарагуа.

В этой компании оказались также несколько лиц, в разное время и по разным мотивам выехавших из СССР. Причем если одни из них давно подвизались на антисоветском бизнесе, то другие не слишком демонстрировали свою враждебность

к нашей стране и Советской власти. Так или иначе десятерых объединило письмо, которое реакция на Западе с наслаждением цитирует и обыгрывает. Письмо подписали В. Аксенов, В. Буковский, А. и О. Зиновьевы, Э. Кузнецов, Ю. Любимов, В. Максимов, Э. Неизвестный, Ю. Орлов, Л. Плющ.

Перепечатавая это письмо, как оно опубликовано во французской «Фигаро», редакция полагает, что, в общем-то, оно не требует особого комментария, ибо говорит само за себя. И все-таки, поскольку это письмо — оно ждет ответа.

ПУСТЬ ГОРБАЧЕВ ПРЕДОСТАВИТ НАМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

ЛАВИНА новостей из Москвы вызывает в последнее время удивление и даже смущение у многих честных людей как на Востоке, так и на Западе: неужели наступил такой поворотный момент в нашей истории, о котором можно было только мечтать, когда будет положен конец репрессиям, нищете, международному разбою? Или же речь снова идет о временной оттепели, о тактическом отходе накануне следующего наступления, как определял это Ленин в 1921 г.?

Действительно, к нашей вящей радости некоторые выдающиеся защитники прав человека были освобождены из тюрем, лагерей, вернулись из ссылки. Тем не менее, хотя мы и выражаем наше удовлетворение в связи с этими фактами, мы не можем не отметить, что избирательный характер помилований рассчитан так, чтобы ценой минимальных уступок произвести максимальный эффект. Если советские руководители по-настоящему, как они утверждают, изменили свое отношение к проблеме прав человека, если они решили отказаться от подавления как формы контроля за свободомыслием в Советском Союзе, почему же тогда они просто-напросто не амнистировали всех узников совести, а продлевают их удовлетворение на целый год, освобождая по каплям наиболее известных из них?

Почему до сих пор мы ничего не слышали о безоговорочном осуждении психиатрических репрессий, о применении из всех принудительных методов, применяемых в СССР? Почему нет улучшения в вопросе эмиграции, которую допускал даже покойный «реакционер» Брежнев?

АФГАНИСТАН И МЫ

БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ похожие «изменения» и «оттепели» можно наблюдать также в других областях советской жизни. Они дают немало поводов для недоверия. Так, признание советскими руководителями необходимости радикальных экономических реформ является бесспорным улучшением.

Мы, несомненно, одобряем стремление советских руководителей вывести войска из Афганистана, где наши молодые соотечественники вынуждены участвовать в уничтожении мирного населения. Однако предлагаемый советским правительством способ «урегулирования» проблемы только усиливает сомнения в искренности его намерений. Ведь если они действительно хотят прекращения войны, почему бы не вывести сразу все войска, не ставя предварительных условий и не растягивая сроки? Если хотят, чтобы «урегулирование афганской проблемы» было достигнуто политическим путем, чтобы в этой стране было стабильное правительство, почему противятся проведению под строгим международным контролем свободных и честных выборов? Выборы такого рода успешно прошли в Зимбабве и сравнительно недавно в схожих условиях в Сальвадоре.

ЗА ПОДЛИННУЮ ГЛАСНОСТЬ

НАИБОЛЬШЕЕ замешательство и тревогу вызывает, наверное, новая советская политика «гласности», открытости и «культурной оттепели».

Гласность, по существу, предполагает определенную публичную дискуссию, в которой каждый может участвовать и не бояться преследований, независимо от выражаемых взглядов. Гласность должна включать как право получать информацию, так и право распространять информацию, поскольку и то, и другое неразрывно связаны в едином процессе контроля общества за властью. Развитие гласности, как мы ее понимаем, скорее способствовал бы свободный доступ к копировальной технике, нежели официальная кампания критики советской действительности. Если советские лидеры хотят пользоваться определенным доверием в глазах общественности, им необходимо решиться на признание хотя бы нескольких независимых издательств, не подлежащих партийному контролю. В этой связи публикация данного письма в советской печати стала бы самым убедительным доказательством искренности заявлений о гласности.

Мы рады констатировать, что такие выдающиеся писатели, как Гумилев и Набоков, «посмертно реабилитированы» и что их книги станут наконец официально доступными для читателей нашей страны. Другие, менее «удачливые» покойные писатели все еще ждут своей очереди, которая, видимо, наступит по случаю очередной «культурной оттепели». Как бы то ни было, данная привилегия предоставлена исключительно мертвым, которые не могут ни сказать, ни сделать чего-либо неожиданного. Наверное, этим объясняется особый интерес советских властей к покойным знаменитостям, останки которых они стараются «вернуть на родину» вопреки желанию, высказывавшемуся ими при жизни (Шаляпин, Тарковский).

ЕСЛИ ХОТЯТ, ЧТОБЫ МЫ ВЕРНУЛИСЬ

НАМ СТАЛО известно, что советские представители вступали в контакт с некоторыми видными деятелями культуры, живущими в эмиграции, предлагая им вернуться «домой», словно бы речь шла о блудных детях, обещая, что «прошлое будет забыто». Очевидно, советские власти до сих пор не в состоянии понять, что эмиграция — результат не какого-то трагического недоразумения, а глубоких расхождений с режимом, не способным уважать свободу творчества. Можно забыть прошлое, но как забыть вездесущий контроль партии, особенно после того, как вдохнешь немного воздуха свободы. Этого не заменить ордемом Ленина.

Кто, например, мешал им издавать наши книги, записывать наши пластинки, показывать наши фильмы и спектакли, выставлять наши картины и скульптуры? Тогда почему они не начали именно с этого,

вместо того чтобы обещать свое «прощение», в котором никто не нуждается? Все, о чем их просят, это просто отойти немного в сторону и дать зрителям, слушателям, читателям в СССР самим выбрать то, что им нравится.

Тогда и только тогда мы сможем провести открытый диалог с властью, а не сомнительные переговоры на черной лестнице.

Представим на миг, что самое смелое из всех предложений Горбачева — о более свободных выборах в партии, будет реализовано. Благодаря этому «прыжку вперед» мы только чуть-чуть приблизимся к положению черного населения Южной Африки. Наши «белые» получат наконец свободные выборы для самих себя, хотя они и представляют всего-навсего лишь 7 процентов населения.

БАРЬЕР ИДЕОЛОГИИ

ЕСЛИ ОНИ ХОТЯТ серьезным образом провести «радикальные изменения» в советской системе, они должны для начала пересмотреть господствующую идеологию. Без этого ни одно глубокое и расчитанное на большой срок преобразование не могло и никогда не сможет иметь место в Советском Союзе. Идеология — настоящий стержень советской системы, не позволяющий стране отклоняться слишком далеко и надолго. Если не ставить под сомнение конечные цели и основополагающие принципы, долгосрочная стратегия становится предопределенной, и руководителям остается решать только тактические проблемы. Они могут объявить «мороз» или «оттепель», но у них самих не может быть «лета». Они не смогут жить в мире ни со своим собственным народом, ни со своими соседями до тех пор, пока правящая идеология отрицает саму возможность «мира с классовым врагом». Разве может у них быть «мирное сосуществование» с «буржуазным» миром, если они ставят задачу «похоронить» этот мир? Разве можно рассчитывать на подлинную «разрядку», если «разрядка ни в коем случае не означает, не может означать отрицания законов классовой борьбы»? В результате нет ни мира, ни войны, есть лишь «борьба за мир», подчиняющаяся незыблемому закону советской поддержки «всех сил социализма, прогресса и национального освобождения».

До тех пор, пока продолжается это «историческое сражение между двумя мирами», никто не имеет права просто заниматься своими делами. Население как бы мобилизовано, чтобы вставали все новые и новые отряды идеологических бойцов. Эта всеобщая мобилизация не признает ни права на нейтралитет, ни права на отказ по причинам совести, потому что «кто не с нами, тот против нас». Даже гражданский перебежчик юридически приравнен к военному служащему, перешедшему на сторону врага во время военных действий (Уголовный кодекс, часть III, ст. 4). Желание эмигрировать, следовательно, рассматривается как измена родине, а те, кому разрешается выезжать за границу, тщательно отбираются среди самых на-

дежных лиц, как если бы речь шла о разведчиках, отправляемых во вражеский тыл.

Если они действительно хотят вписать новую страницу в нашу историю, им нужно прекратить использовать в пропагандистских целях трагедию нашего народа во второй мировой войне, убрать из учебных программ вызывающую тревогу военно-патристическую подготовку, которая стала обязательной во всех советских школах и которую можно только сравнить с дрессировкой гитлеровской молодежи, положить конец милитаризации советского общества. Нужно восстановить историческую правду о преступлениях, совершенных советским режимом.

БОЛЕЗНЬ РЕЖИМА

КАК МОЖНО ждать от людей прилива энтузиазма в связи с разрешением «индивидуальной трудовой деятельности», особенно в сельском хозяйстве, если «коллективизация» и уничтожение десяти миллионов крестьян до сих пор не осуждены партией, находящейся у власти? Или, говоря о «гласности», как можно надеяться, чтобы это новшество принималось всерьез, если оккупация Чехословакии в 1968 г. до сих пор не осуждена как международное преступление? Потому что в конечном счете «пражская весна» была не чем иным, как периодом «гласности».

Это лишь два, взятых наугад, примера. Но они показывают, что для примирения народа с правительством недостаточно выпустить из тюрьмы несколько десятков человек, безвинно, кстати, туда заключенных. Советский Союз тяжело болен. Болезнь настолько затянулась, что даже руководители страны были вынуждены порвать с семидесятилетней традицией молчания — им необходимо доверие людей в СССР, доверие всего мира. Но прежде всего им нужно самим научиться доверять народу и миру. Научиться достаточно верить ответственности, чтобы признать свою ответственность перед Международным судом в Гааге, перед судом прав человека в Страсбурге и чтобы пострадавшие, выступая в качестве истца, могли бы потребовать возмещения убытков, понесенных в результате какой-либо катастрофы вроде чернойбыльской. Они должны стать равными среди равных, а не прообразом светлого будущего.

Сегодня всем, даже глупцам, очевидно, что, если семидесятилетнее правление при помощи «самого передового учения» привело к краху одной из самых богатых стран на земле, это учение ложно. И если, как признает Горбачев, не нашлось после Ленина ни одного руководителя, который бы сумел заставить действовать это учение, может, уже пришло время попробовать что-нибудь другое? Разве не сам Ленин постоянно повторял, что только практика является высшим критерием теории? Может ли обветшавшая теория выдержать сегодняшнюю практику? Вот в чем вопрос. А если нет, то что же тогда произойдет?